

ТОМ ПЕРВЫЙ

Пролог

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Ф. И. Тютчев

Восточный берег полуострова, занятого Византией, избран для собрания дворцов, храмов, служб, садов. Это Священный Палатий, алтарь Единоличного Владыки империи. Сегодня в прохладном дыхании близкого Евксинского Понта Палатий казался земным раем.

В одной из комнаток одной из палатийских канцелярий трудился над рукописью мужчина лет тридцати пяти — сорока. Постоянный советник полководца Велизария и неизменный его спутник Прокопий, человек образованный и умный, что важно, и хитрый, что еще важнее для существующих в тени Власти, был сух и крепок телом. Углы его рта подчеркивала складка, свойственная тем, кто годами умел вежливо или, лучше, искательно улыбаться речам вышестоящих. Он был слегка сутуловат, не помогали гимнастика и усилия массажистов. Прокопий слишком много времени проводил за работой. Женат он не был и не знал забот о семье.

Главнейшей из всех наук ему казалась история людей. Он считал, что человеку, не ведающему прошлого, непонятно и настоящее: зримое невеждой лишено глубины, подобно плоским рисункам на стенах древних египетских храмов.

Дабы продолжить труд прошлых писателей, Прокопий рассказывал о своем времени. Он хотел правдиво изложить то, что видел сам, и сообщенное другими. Для этого нужно уметь спрашивать и постигать смысл прочтенного. Обдумывая узнанное, следует отделить зерно от половы. Нужно не только собрать, но, установив связи, придать рассказу стройность. Дождевой червь, чтобы двигаться, пропускает землю через свое тело. Таковы писатель и жизнь, текущая через его разум.

Знать, понять происходящее внутри империи и за ее границами... Прошло время, когда империя цепко разрасталась, жадно поглощая захваченное. Ныне империя только защищается на территории вдвое меньшей, чем некогда. Откуда назревают угрозы? Не с Запада, где варварские государства истощаются сварой на старых имперских землях в Испании, Галии, Британии, по Рейну. Готы, захватившие Италию, выдохлись. На Востоке империя привычно сдерживает персов малыми войнами, переговорами, золотом. Только Север копит неизвестные силы. Дунайская граница постоянно попирается нашествиями племен, которые, по всем сообщениям, прочно владеют пространствами за Дунаем и Евксинским Понтом.

Все прежние писатели называли по-разному северные народы. Преемственности среди этих народов, казалось, не было. Но, в сущности, никто не обладал верными сведениями. Однако же вполне возможно, что со времен Гомера, Гекатея, Геродота на Севере не было чрезвычайных перемен. Люди одного племени могли называть себя по-разному для отличия от соплеменников, владельцев смежных угодий. Несомненно, что изустная передача чужих, непривычных слуху эллина и римлянина имен искажала их до неузнаваемости.

Прокопий, не желая повторять недостоверные для него сообщения, старался ограничиваться настоящим временем. Но необходимо рассказать существенное о прошлом и о быте северных племен, ибо до сих пор нападения на империю кажутся людям беспричинными наводнениями с невидимых гор. Таковы результаты невежества, ибо все имеет причины, определяющие следствия.

Почти полное тысячелетие отделяло Прокопия от века, в котором жили Отец Истории Геродот и великий Фукидид. Прокопий думал об исканиях и мучениях этих людей. Без опыта никому не познать сущности любого мастерства, лишь пишущий поймет пишущего. Писателю нужна решимость большая, чем другим, так как сомневающийся не закончит и строчки, он осужден на бесплодие бесконечных помарок и чистых страниц. На самом деле жизнь снабжена бесчисленными гранями. Испытываемая разумом, она меняет свой вид, как изрезанный берег Эллады перед взглядом морехода. Каждая строка требует проявления мужества, каждая мысль есть решение полководца. Нет, военачальник может уклоняться от сражений, в его власти замена штурма бездействием терпеливой осады. Писатель же подобен солдату, рвущемуся на стену.

Прокопий начал:

«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но живут в народоправстве».

Он знал, что славяне и анты говорят одной речью, живут одинаковым укладом. Одни располагаются ближе к империи, другие — дальше. В названии «анты» для Прокопия звучал корень латинского слова, обозначающего местонахождение «раньше, против». К тому же ни одно из славянских племен не называет себя антами. Прокопий сохранял это название, чтобы быть лучше понятым.

Итак, они живут в демократии... Дальше!

«Поэтому у них счастье и несчастье считаются общим делом. И в остальном у этих народов вся жизнь и все законы одинаковы».

Его окружили образы, для него священные: общины свободных и равных людей, сильных единством воли, подчиняющихся лишь необходимости. Он продолжал во власти Вдохновенья:

«Они считают, что только единый бог, творец молний, властвует над всеми, ему приносят они жертвы и совершают другие обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что Судьба по отношению к людям имеет какую-либо силу...»

Вдохновенье! Великое и неопределимое философами понятие. Часто Прокопий убеждался, что истина легче открывается Вдохновенью, чем усилиям разума. Но как легко спугнуть эту дивную птицу! Перечитывая написанное, Прокопий размышлял.

Он написал о людях, которые пользуются демократией и отрицают власть Судьбы. Да, таковы в действительности быт и воззрения славян, антов. Но что может подумать иной, прочтя эти строки? Базилевс Юстиниан выжигает в империи последние следы демократии, а без упоминания о Судьбе немислима речь христианина.

Прокопий был хорошо знаком с языческими воззрениями. В прошлом люди считали Фатум сильнее олимпийцев. Христиане восприняли это понятие как выражение неизреченной воли своего бога. Поэтому в описании славян иной злонамеренный и выслуживающийся подданный Юстиниана обнаружит и мятежное осуждение автократии, и неверие в бога. Ни сам клеветник, ни внимающий доносу не захотят ознакомиться с источниками осведомления историка. Его даже не спросят, он будет осужден заочно.

Следуя за Велизарием, вдали от Византии Прокопий дышал свободнее, писал смелее. Здесь иное — Палатий душил писателя.

Не шевелясь, он взглянул вправо, влево. Увлечшись, он, кажется, рассуждал вслух. Он знал за собой это опасное свойство. К тому же, как многие авторы, он любил читать написанное вслух, чтобы ухом проверить слог и содержание.

Железный доспех, которого никогда не снимают, уродует тело. Нельзя вечно давить в себе протест и оставаться здоровым. Печальна участь камня, одиноко противостоящего течению.

Прокопий скользнул к двери, положил руку на медную задвижку. Нет, он не забыл запереться, никто не мог подслушать. Если у него и вырвались опасные слова, сегодня железная западня Судьбы-Случая останется голодной.

В окне — прочная решетка. Одиночество в одиночестве. Нельзя доверять ни кровным, ни близким. Когда был создан этот неписанный закон существования подданных?

— Скажи, — спросил себя Прокопий, — в действительности ли ты веришь во всепобеждающую силу Судьбы, как все? В твоих книгах ты умеешь ссылаться на нее. Где же ты был искренен, а где ты указывал на Судьбу лишь для памятной заметки в надежде на пришествие времени, когда сможешь объяснить, что не Судьба, а злая воля Юстиниана и Феодоры были причиной всеобщих бедствий?

Прокопий ощутил свою слабость, бездарность. К чему все это? Зачем, для кого? Его перо слабо, его мысль скудна. Ему казалось, что он не напишет больше ни строчки. Он сух, он бесплоден. Если бы он мог, он молился бы как безбожник, который в бурном море взывает о помощи к всевышнему.

Он горько уличал себя: как все, ты находишь утешение во всемогущей Судьбе, в ней ты ищешь защиту против людей, с которыми ты не смеешь бороться, которых боишься обличить! А свобода воли? Так кто же ты сам? Где твоя мера, которой ты надменно измеряешь дела других? И когда ты начнешь писать книгу Правды?

Сумерки подкрадывались к Святому Палатию. Успокоившись, Прокопий думал о юности народов, и Вдохновение нежно ласкало писателя. Он был убежден, что не так давно, тому назад полтора или двести поколений, на берегах Теплых морей сиял Золотой век людей, живших в народоправстве. Тогда свобода мысли не укрощалась отваром цикуты, топором палача или отлучением от церкви.

А Судьба? Быть может, действительно существует роковая связь событий, не зависящая от воли человека. Если и так, то в те дале-

ПРОЛОГ

кие и ясные лета Фатум, злобный, неумолимо слепой, но и прибежище слабым, спал в бездонности вод Мирового океана. Ибо тогда еще не было надобности в Ужасе богов и в утешении смертных. Может быть...

Так пусть же остается написанное о славянах. Ложь есть смерть, и правда, как дыхание, нужна человеку. Прокопий громко поклялся:

— Верую! Истинно верую! Нелицеприятно исследуя жизнь и глядя правде в лицо, люди воскресят Золотой век, которому имя Свобода!

Глава первая

РОССИЧИ

Там русский дух... там Русью пахнет!

А. С. Пушкин

1

С вечного дуба смотрел владыка Огня и Жизни. Бог, который для плодородия Земли золотыми бичами гоняет в небе черных коров, однажды громовым копьём бросил себя на священное с того дня дерево. Это было давно-давно, при пращурах или при более дальних предках, для которых по древности лет нет обозначения степени родства.

Бог сломил-разбил вершину дуба и, уйдя назад от оплодотворенной земли в небесную твердь, оставил свой образ в стволе. Так верили, так передавали иные. Другие же помнили сказание об искуснике-мастере. Он вдохновенным резцом и силой каленого железа обозначил в дереве явление Сварога. Так ли случилось или иначе, но каждый еще и сегодня мог увидеть лицо: под черным, выпуклым, как щит, челом сидели два глубоких глаза, и левый был прищурен, будто у лучника. Раздутые ноздри прямого, как у русских людей, носа напоминали о туре-зубре, когда замирает он глыбой серого камня, чутко слушая запахи степи. Усы бога, слившись с бородой, стекали семью неравными прядями, а концы прядей прятались под корой. Руки скрывались в сучьях более толстых, чем тело человека, ноги оделись корнями. Огненный бог Сварожище глядел из пролысины в зелени дуба на заросские степи, щурился, присматривался. А из-за Рось-реки Ратибор, затаившись, смотрел на большое, как налитый ячменным пивом воловий мех, лицо бога русских людей. Ратибор не знал, нет ли на дубе и других глаз, кроме Сварожьих? Не кроются ли в ветвях и другие лица?

Как осторожная птица, подняв над зарослью головку, медленно прячет ее, втягивая длинную шею, — знает: ничто так не привлечет врага, как быстрое движение, — так Ратибор вновь спрятал в траве свою голову с собранными на затылке в пучок светло-русскими волосами.

Ратибор полз на четвереньках, по-волчьи. Заглубев от упражнений, голые локти и колени не чувствовали уколов жесткой травы.

Время медленно тянулось за полудень. Жарко, в такой час крылатые зря не летают. Двигаться нужно с оглядкой, без спешки. Иначе спугнешь птицу, и она тебя выдаст резким взлетом. Птицы много в заросских нетронутых травах. Слободские берут зверя, чтобы добыть мясо и кожу. Птицу же трогают мало, редко кто позабавится натянуть силья — кольца-сплетки из конского волоса.

Ратибор заметил, как стрепетка уводит с его дороги пестрый выводок, как юркие стрепетята, вытянув шейки, дробно топочут за маткой в травяной чаще. Мелькнули — и нет их. «Стать бы птицей на недолгое время», — думал Ратибор.

Стрепетята были еще почти голы. Длинные шейки морщились чешуей пеньков будущих перьев, только на концах крыльев уже торчали настоящие перья. Ратибор тоже был почти гол, в одних коротких, едва доходивших до колен, штанах. В поясе штаны стягивал сыродубленный ремень, к ремню была подвязана кожаная же сумка-зень.

Тело Ратибора закалили ветер и дождь, летний жар и зимний холод. От этого белая в детстве, молочная кожа сделалась цветом, как земляная. На темном лице светились серые росские глаза. Черноватую смуглость рук, ног, груди и спины просекали белесые шрамы — следы несчитанных царапин шипами и сучками, следы падений.

Не станешь ни силен, ни ловок, коль будешь трусливо беречься. И биться не научишься. На плече Ратибора есть борозда от меча, на ключице — бугор от сросшейся кости. Метки воинской науки. Нет лучшего украшения для мужчины. Бронзовые, серебряные, золотые браслеты и ожерелья не стоят рубца.

В сизом от жары небе чуть заметно шевелились пухово-курчавые барашки. Солнце закроется дымкой и опять слепит блеском и жжет землю. В неподвижном воздухе сквозь сладкую завесу запаха клубники остро и жгуче тянуло гадючьим луком. Тонкое обоняние Ратибора могло бы найти зеленую горькую стрелку и за три сотни шагов. Мутная прелость раздавленной локтем сочной листвы солнцегляда казалась похожей на аромат увядшего ландыша. Горьковатая струйка горицвета напомнила Ратибору мать Анею, сведущую в силах трав и в могуществе тайных слов-наговоров.

Горицвет любит лесные опушки. Запах горицвета сказал Ратибору, что он приближается к цели.

Вот и низенький кустарничек-травка, покрытый жесткими фиолетовыми цветочками. Это барвинок-могильница. Вот пряная посечная трава. По их запаху Ратибор нашел бы лес и с выколотыми глазами.

Он переполз-перетек через поваленный корневым червем ствол осокоря, трухлявый и голый. Его толстую мелкозернистую кору слобожане ободрали на неводные поплавки.

По-звериному перебежав полянку, Ратибор скользнул в кусты густой лещины и замер, удерживая дыхание: явственно, сильно потянуло живым человеком!

Ратибор заметил подошву сапога: человек не сидел, а лежал. По сапогу Ратибор узнал Всеслава, слободского воеводу, понял, что Всеслав, сморенный жаром и скукой, спал в холодке.

Как видно, не только тревога, но и покой передаются от человека к человеку без слов, без звуков, одной силой немого общения. Ратибор, на миг зажмурившись, услышал мирное гудение диких пчел, трескучий стук кузнечиков, гукание нежных горлинок.

Сбросив чары, Ратибор крепкими зубами откусил ореховую ветку и, едва касаясь земли голыми ступнями, подошел к Всеславу. Всеслав спал, прикрыв глаза широкой ладонью. На волосатой руке, утопив длинный нос, трудился кроваво раздувшийся комар. Глубокое дыхание спящего пушисто приподнимало густые усы.

Точным и мягким движением Ратибор заложил ветку за ослабевшую подпояску воеводы. Забыл Ратибор, что души спящих людей бродят во снах вокруг тела и все видят своими глазами, пусть телесные очи и смежила усталость. Видно, он задел тонкую нить, соединяющую спящее тело Всеслава с душой, и та, вздохнув, вернулась, чтобы оберечь тело. Воевода открыл глаза.

Испытывая воинское искусство Ратибора, Всеслав вместе с другими сторожил дорогу на Рось, а молодой, возмня о себе, вздумал посмеяться над старшим.

Сердце Ратибора облилось горечью на себя за глупый поступок. И — неразумной яростью. Не смирай его привычка к повиновению — он мог бы выместить свою оплошность на Всеславе. Воевода, привыкший безраздельно властвовать над воинами-слобожанами, умел читать на лицах людей. Сорокалетний мужчина вскочил, как юноша, и, притянув к себе Ратибора, шепнул:

— Иди... не видал я тебя.

Дубовая роща на левом берегу Роси невелика. У старого дуба, носившего обличье Сварога, всего сотен до пяти родовичей. Могучи дубы. Глянешь вверх, и кажется, что корявые ветви деревьев лезут в самое небо. Ратибор пробирался не напрямик, а сторонами, где был погуще подлесок.

Ближе к берегу Роси дубы сменились осокорями. Листва их казалась серой после глубокой зелени дубняка.

На влажной земле, недалеко от воды, Ратибор столкнулся с черной охотницей за мышатами и лягушатами, с гадюкой-козулей. Сломить ее хрупкую спину было б легко, да не время, не место.

Ратибор медленно-медленно оттянул руку, которой едва не коснулся изготовившейся ужалить злой головки, и оба замерли.

«Если ты не испугаешься, испугаются тебя», — учила сына мать Анея. Тихонько присвистывая, Ратибор глядел в холодные глазки, нашептывая в мальчишестве заученное от матери змеиное заклятье-зарок.

Он сказал змее, что не хочет ей зла и с родом ее ничего не делит.

Лучше ей будет уйти с человеческой дороги, лучше пусть поищет добычу по силе.

Много добычи в подземных гнездах, много добычи в старых дуплах. Так ползи же, ползи, ползи, спеша, спеша, спеша, спеша...

Свистящий шепот человеческого голоса успокоил змею. Она отвела прочь голову и, струясь острозубчатой выпестриной толстой спины, потекла в сторону.

Высокие лапчатые орлецы, точащие тяжелый запах пыльной прели, расступились перед Ратибором. С резных буро-зеленых листьев взмыли серые стаи комаров и мелкой гнуса. За хрупкими стеблями орлецов выстроилась жесткая стенка речного тростника. Извиваясь, Ратибор бережно втиснулся в гремучий палочник. Гнусь-мошкара живой пылью осела на спине, груди, лице, лепилась в глаза, в ноздри, в рот. Ратибор не отмахивался, будто деревянный. Он привык. Шли самые трудные минуты — только бы не выдать себя! Забравшись поглубже в воду, он присел на сплетенье подводных корней тростника, оставив на съеденье голову назойливой мошкаре.

Со дна, мутя воду, поднимались клубы потревоженного ила. Хищные пиявки, учуяв живое тело, невидимо сжимали и разжимали плоские черно-серые лопасти своих тел.

Ратибор думал о великодушном Всеславе. По милости воеводы Ратибору оставалось одолеть последнее испытание, дабы быть признанным взрослым воином, дабы сделаться полноправным слобо-

жанином. Но не так просто незамеченным переплыть открытую реку. «Здесь будет напрямик четыреста пядей, да снесет быстрым течением тысячи на полторы», — считал Ратибор.

Поискав глазами, он нашел длинную тростинку, толстую и сухую. Из кожаной сумки ощупью достал кусок сломанного ножа. Остаток клинка был тонко и остро заточен. Им Ратибор брил первые волосы на бороде. Срезав тростинку, Ратибор расколол коленчатые узлы, выскреб белые перегородки. Нашелся в сумке и кусок черной смолы. Ратибор затер расколы, а потом стянул их ниткой. Получилась трубка в два локтя длиной, чтоб дышать под водой. Ноздри и уши пловец заткнул желтым воском.

Десятка четыре слобожан, из которых многие еще более сметливы и ловки, чем Ратибор, повсюду ищут его, везде стерегут испуганного, чтобы поймать или хоть попятнать издали тупыми стрелами. Ратибор пробирался глубже и глубже, щупая дно ногами. Вот и то, что он искал. Придерживая тростинку за конец губами, он скрылся под водой и обеими руками поднял камень величиной с коровью голову. Обвязав груз тонкой веревкой, Ратибор устроил петлю для руки.

Вливаясь в широкое устье заводи, река вначале кружилась, потом успокаивалась, приласкавшись к нежности пахучих белых лилий-купальниц и сладких желтых кувшинок.

Летняя вода была тепла, мягкий ил, заплетенный корнями и стеблями плавающих растений, чуть засасывал ноги.

Ратибору казалось, что он ощущает легкие-легкие толчки: заводь, как и река, была изобильна рыбой. Пузатые лягушки ныряли и, перевернувшись в глубине, всплывали острыми носами к человеку, пуча на него глупые глаза. Здесь были, Ратибор знал, и другие владельцы вод. Где-нибудь в глубоком бучиле-омуте дремал водяной, прячась от дневного света. А русалки и сейчас, наверное, любопытно подсматривали за человеком.

Русалочья сила нарастает с луной, с луной же и упадет. Водяные чаровницы хитры и проказливы. В полнолунные ночи они могут своей игрой завлечь человека, закружить в хороводе и утащить на дно.

Держа над водой голову, Ратибор пробирался кромкой тростников — голова пловца видна на реке, как ночью огонь на поляне. Пора и на чистую воду. Он знал, что здесь река неглубокая, но в каменистом дне есть ямы-бочаги, там не поможет и трубка.

Несколько раз Ратибор глубоко вздохнул, приучая грудь. Потом, набрав воздуха, погрузился. Камень побеждал стремление воды вы-

бросить тело человека. От камышей в реку уходила иловатая, но твердая ракушечная отмель. Начавшись пологой ступенью, подводный выступ круто обрывался вглубь. Сопrotивляясь усиливающемуся течению, пловец шел, закидывая голову. Сквозь мутноватую толщу воды поверхность реки блестела, как липкая пленка. Конец тростинки высунулся. Грудь давило. Ратибор сильно выдохнул перегоревший воздух и глубоко вдохнул.

Река струилась, увлекала. Ратибор цеплялся ногами за дно. Смотреть он мог только вверх, чтобы конец тростинки не поднялся слишком высоко или не ушел под воду. Понемногу тело привыкало — ведь он повторял не однажды проделанную воинскую игру. Разрезая течение левым плечом, Ратибор и шел и плыл в быстрой Роси.

Вдруг — он едва успел остановить вдох — камень увлек его в донную яму. Здесь вода была совсем холодной и казалась совсем неподвижной. Ратибор, присев, сильно оттолкнулся в сторону левого берега. Самое главное — не терять направления. В реке путь указывало само течение. В донной яме он мог заблудиться. Не чувствуя боли, Ратибор скользил по слизистым скалам. Взлетал, опускался. Еще усилие и еще. Скорее бы!

Прыжок — и теплая вода, схватив, потащила пловца. Только самый конец тростниковой трубки встал над водой. Ратибор сумел продуть длинное горло и вдохнуть свежего воздуха.

Начинало мелеть. Надвигалась тень крутого, поросшего ивой берега. Кусты нависали над водой. Весенняя Рось топила их и, отходя, оставляла в развилках ветвей былья травы, ломаный камыш и грязь, принесенные из верховых пойм и займищ.

Рядом так сильно плеснуло, будто человек прыгнул в воду. Ратибор остановился. Нет, это хищный шереспер гнался за плоским и жирным лещом, широко расходились круги на воде. У самого берега, в прозрачной, затененной воде, неподвижно стояла против течения щука, держась незаметными движениями сильных перьев. И вдруг исчезла, как от заклятья. Ей на смену появился острорылый осетр. На этой рыбине от жабер до хвостового пера мог улечься взрослый мужчина. Из Роси никто не в силах выбрать рыбу, с озер и болот — водяную птицу, из лесов и из степи — зверя, из дупел — медовых бортей. Даже ленивый будет сыт в богатой земле россичей.

Под пологом ивняка Ратибор незаметно выполз на берег и, поднявшись на кручу, выпрямился во весь рост.

Здесь, на чистом от деревьев месте, стоял врытый в землю безымянный бог, былая надежда и хранитель неведомого россичам древнего племени. Был он громаден, в три человеческих роста. Вырубленный из твердого русского песчаника, тощий, со сросшимися ногами, бог сложил на вислом брюхе руки и безглазо смотрел на восток.

Мертвый бог... Но по обычаю Ратибор обошел исполина, избегая наступить на длинную тень. Недостойно россича взять чужое, нельзя поднять потерянную или забытую кем-то вещь. Бесчестно позавидовать силе, ловкости или умению другого. И дурное дело — потревожить сонный покой пусть и чужого, пусть никому не нужного бога забытых племен.

Ратибора заметили. Где-то завыл рог, второй рог сдвоил, отозвались третий, четвертый, пятый. На правом берегу Роси там и сям показались слобожане. Стрелки входили в текучую воду и переплывали реку, держа повыше луки и колчаны. Косые лучи солнца делали необычайно красивыми лубяные и кожаные колчаны, искусно раскрашенные кровяно-красным и желтым цветами.

Из узкого затона выскочил челн. В нем поместились человек двадцать. Одни сидели, другие длинными шестью-тычками сильно гнали челн поперек реки. Русские слобожане собирались к своему месту.

Как в переделом, истонченном летами куске льняной ткани едва сохраняется след рисунка, так жило ветхое предание о холме, на котором теперь стоял град-слобода русского племени, или россичей, как они сами себя называли.

Был этот холм насыпан не то двенадцать, не то четырнадцать поколений назад. Весен до трехсот минуло с того времени. Тогда гунны впервые явились в степи, на полдень от Рось-реки на берег Теплового моря. Добрались гунны и на Рось. Холм-могилище был насыпан для погребения россичей, перебитых на побоище с гуннами. Из прежнего рода выжили семь братьев-богатырей, каких ныне женщины не рожают. На всем поле они остались одни, как редкие колосья на ниве, выбитой градом. Все остальные погибли, и все гуннское войско легло. Семь братьев и послужили корнем для нынешних россичей.

Могилище-крепость была окопана сухим рвом. Частокол из заостренных бревен, черных от смолы, сберегавшей дерево, закрывал от глаз внутренность слободы, маячила одна хрупкая на вид сторожевая вышка.

По узкой доске Ратибор перебежал через ров и взобрался вверх по лестничному шесту — тонкому бревну со врезанными перекладинами.

Высокий снаружи, изнутри частокол казался низким — кругом была подсыпана земля. Ход для стрелков внутри тына прикрывался навесом из толстого корья. Навесными плашками защищались проделанные в частоколе частые бойницы, узкие и высокие. Шесть длинных и низких изб — стена по плечо — были крыты на два ската снопами из камыша, густо смазанными глиной. Стояли избы полумесяцем, следуя округлости частокола. Ни одного ростка травы не пробивалось на утоптанной ногами земле двора. В середине торчал колодезный сруб. Глубокая дудка врезалась локтей на шестьдесят, чтобы добраться до водоносной земной жилы. Землекопы, наконец, потревожили прах прародичей, когда рыли колодец. Но кто, как не слобожане, навсегда сохранит могилу от поругания чужими.

Четыре прямых осокоревых бревна, как четыре ноги, держали сторожевую вышку. По шестовой лестнице, врытой между столбами, Ратибор белкой взлетел наверх, скользнул в дыру помоста, головой откинув крышку, похожую на погребное творило. Пол, сплетенный из нескольких рядов ивовых ветвей, был окружен таким же плетеным заплотом, достаточно прочным, чтобы защитить от стрельы. Пол промазывали глиной и устилали дернинами — от пожара. Под бычьей шкурой хранилась тонкая липовая щепка для сигнального дыма. Тут же был запас свежей травы и корчага с водой. Торчком стояли шесты с готовыми смолеными снопами, чтобы в случае нужды дать огненные знаки тревоги.

Верх плетеного заплота приходился Ратибору по плечи. Отсюда глаз человека хватал широко, как глаз птицы с вершины высокого дерева. Град-слобода россичей был поставлен на кону полуденного края родовой земли. Отсюда Рось-реку видно на три стороны: на восход, на полудень и на закат — здесь речной локоть. Своим локтем Рось вдавалась в полуденные степи.

Правобережье Роси Ратибор, как и все, привык звать степью. Однако на той стороне было немало лесов: в балках рек, речек и ручьев грудились деревья, защищая свои корни непролазным подлеском. Даже с вышки казалось, что заросские леса, сливаясь, подпирают край неба сплошной стеной, без прохода и без просвета.

Но нет лесной защиты за Росью. Обманывает и собственный глаз. Между рощами, опушками дубрав, по гривам, разделяющим

Ингул и Ингулец, а левее — между Днепром и Ингульцом дальняя степь тянется к Роси свободными пустошами, доходит до нее извилистыми языками. На тех пустошах и языках даже травы растут иные, чем на лесных полянах. Это — степные дороги. По ним козы и степные олени прибегают испить росской воды. Там туры пасут своих серо-голубых коров. И чем дальше от Рось-реки, тем степи становятся шире. Пройди два дня — и деревья уже не закроют полудень, а потом леса и совсем разбегутся, уступив черную землю степным травам. Там широко для взгляда, для скачки, и ветер свистит в ушах всадника по-иному, и пахнет иначе. Там беспредельность. Раздолье!

Злое раздолье... Оттуда тайно пробирается враг, зачастую совсем безымянный, тщась нахватать оплошных людей славянского языка, тайком пройти через Рось-реку, ограбить грады. Приходят и открыто целым войском, чтобы убить мужчин, взять имущество, а женщин, детей, девушек и юношей угнать для продажи на рабских торговищах в ромейские города, на берега Теплого моря.

Крепко слобода на Рось-реке бережет кон-границу славянского языка. Слободскими людьми правит воевода. У него над воинами-слободжанами власть бóльшая даже, чем у старших родов над родовичами, хоть и зовут тех князь-старшинами.

Слово «князь» древнейшее, значит оно — хранитель очага-огня, где живет начало Сварога-Дажьбога. С детства россич привыкает думать о себе как о передовом, а о других людях славянского языка — как о задних. У задних слободы малочисленные, оружие они меньше любят. Все славянские племена сидят среди людей своего языка. Россичи же — пограничные. У них свои сзади да по бокам. Впереди же — степь чужая.

Ратибор взглянул на север. Лес и лес... Все в лесах прячется: и родовые грады, и взодранные пашни на полянах, и усадьбы ушедших из родов на вольную жизнь извергов.

И леса с засеками — крепости, и грады за частоколами да рвами — крепости. Главная же крепость — воинское умение росских мужчин, главная оборона — слобода.

2

Вечерняя заря давно догорела в безоблачной выси. Свод небес из голубого сделался синим, синее стало чернеть; обильно зажглись звезды. Глядя на мерцающие огни и цвет неба, Ратибор знал без

ошибки, что ночь течет к концу первой четверти. Движение времени определялось перемещением светил, эта наука сама собой постигалась россичами — через собственное движение. В жизни все движется.

На крыше избы, где жил воевода Всеслав, стоял невысокий заостренный столб. В солнечные дни движение тени по внутренней части частокола позволяло судить о времени, оставшемся до конца сияния солнца. Подобно эллинскому гномону, столб в слободе был бессилен в пасмурные дни и ночью. Но и без него каждый знал, что можно сделать ночью до света, днем — до наступления тьмы.

Этой ночью Ратибор берег сон слободы. И справа, и слева, и сзади могут вспыхнуть тревожные огни. Всюду могут проникнуть чужие. Где бы их ни заметили — зажгут костер или факел.

А впереди, в заросской стороне, тысячах в сорока шагов таится передовой дозор росской слободы. Место зовется Турьим урочищем. Кто пойдет из степен, тот не минует урочища.

Вышка дрогнула, заскрипели поперечины шестовой лестницы. По запаху изыяного тепла, которое нес человек, Ратибор узнал, кто идет, и, прежде чем показалась голова, успел подумать: «Почему-то воеводе не спится?..»

Воевода пришел, как встал с постели, в одних широких холщовых штанах, босой, не чувствуя ночной прохлады, от которой Ратибор укрывался козьим плащом.

— Ничего не видел? — тихим голосом спросил Всеслав.

— Нет, — ответил Ратибор.

— А мне смутно на душе, — объяснил воевода.

Подчиняясь глухому покою ночи, они таили голоса. Но ведь было же что-то тревожное в этом покое, если сам воевода сказал.

Недоверчивый и чуткий, Всеслав держал слободу в напряжении. В слободе ныне жило почти пять десятков настоящих воинов, обученных ратному делу. Подобно Ратибору, они все прошли воинские испытания. Тот, кто умеет быть невидимым, нанесет первый удар. Весной волк уходит от человека по траве, не достигающей колена охотника. И ни одна травинка не дрогнет там, где ползет лукавый зверь. Белка распластается на ветке, кабан бесшумно пройдет камыши. Даже тур умеет скрыть в кустарнике свою могучую тушу. Воин должен быть ловче и хитрее зверя.

Кроме воинов, в слободе жили тридцать подростков, от двенадцати лет и до почти зрелых парней, уже скобящих первый пух бороды. Князь-старшины родов не соглашались держать в слободе